

Трумен Капоте

Трумен Капоте

Если я забуду тебя Ранние рассказы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

K20

Серия «XX век / XXI век — The Best»

Truman Capote

THE EARLY STORIES OF TRUMAN CAPOTE

Перевод с английского *И.Я. Дорониной*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Random House,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Капоте, Трумен.

K20 Если я забуду тебя : ранние рассказы / Трумен Капоте ; [пер. с англ. И.Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 192 с. — (XX век / XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-100138-4

Эти четырнадцать ранних рассказов Трумена Капоте очень важны для понимания его творчества, или, как выразился знаменитый критик Хилтон Алс, «для понимания того, как мальчишка из Монровилля, штат Алабама, стал легендой американской литературы».

Перед читателем проходит череда персонажей: женщин, познающих муки и радости любви, интеллектуалов, защищающихся от жестокости и равнодушия мира броней напускного цинизма, детей и взрослых, понапрасну ищущих доверия и понимания. Мир рассказов Капоте далеко не идеализирован — он полон преступлений и несправедливости, бедности и отчаяния. Однако в этом мире есть место и для страсти, и для нежности, и для великодушия, и даже для чуда...

Сборник издается впервые.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Hilton Als, 2015

© Penguin Random House LLC, 1993, 2015

© Перевод. И.Я. Доронина, 2017

© Издание на русском языке AST

ISBN 978-5-17-100138-4 Publishers, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трумен Капоте стоит посреди своего номера в мотеле и смотрит на экран телевизора. Мотель находится в центре страны — в Канзасе. Это 1963 год. Дрянной ковер у него под ногами жесткий, но именно его жесткость помогает ему сохранять равновесие — при том количестве спиртного, которое он выпил. На улице дует западный ветер, а Трумен Капоте со стаканом скотча в руке смотрит телевизор. Это один из способов расслабиться после долгого дня, проведенного в Гарден-Сити или его окрестностях, там он собирает материал для своего романа «Хладнокровное убийство», основанного на реальных событиях, — о групповом убийстве и его последствиях. Капоте приступил к этой работе в 1959 году, но задумывал ее не как книгу, а как статью для жур-

нала «Нью-Йоркер». По первоначальному замыслу, автор собирался описать в статье маленькую провинциальную общину и ее реакцию на убийство. Однако к тому времени, когда он приехал в Гарден-Сити — убийство было совершено неподалеку от поселка Холкомб, — Перри Смит и Ричард Хикок были уже арестованы, и им предъявили обвинение в убийстве владельцев фермы мистера и миссис Герберт Клаттер и их малолетних детей Нэнси и Кеньона; в результате этого ареста фокус замысла у Капоте сместился, интерес стал более глубоким.

Впрочем, в то утро, о котором идет речь, до написания «Хладнокровного убийства» остается еще около двух лет. Пока — год 1963-й, и Трумен Капоте стоит перед телевизором. Ему скоро сорок лет, и пишет он почти столько же, сколько помнит себя. Слова, рассказы, сказки он начал сочинять еще в детстве, которое провел в Луизиане и сельской Алабаме, затем переехал в Коннектикут, потом в Нью-Йорк, став, таким образом, человеком, сформированным разделенным миром противостоящих культур: на его родном Юге царил сегрегация, на Севере, по крайней мере на словах, — идея ассимиляции. И здесь, и там его

воспринимали как странного упрямого, одержимого желанием стать писателем. «Я начал писать в восьмилетнем возрасте, — рассказал однажды Капоте. — Ни с того ни с сего, без какого бы то ни было внешнего побуждения. Я никогда не был знаком ни с кем, кто писал, правда, знал нескольких людей, которые читали». Писательство, стало быть, являлось для него врожденным свойством, как и его гомосексуальность — или, точнее, его созерцательная, критическая, заинтересованная гомосексуальная восприимчивость. Одно служило другому.

«Самым интересным, что я написал в то время, — сообщает Капоте о своих «вундеркиндских» годах, — это повседневные простодушные наблюдения, которые я запечатлевал в дневнике. Описание соседа... Местные сплетни... Своего рода репортажи в стиле «что видел» и «что слышал», которые позднее оказали на меня серьезное влияние, хотя тогда я этого и не сознавал, потому что все мои «официальные» писания, то есть то, что я публиковал, тщательно перепечатав на машинке, были в большей или меньшей степени вымыслом». Тем не менее репортерский голос и в ранних рассказах Капоте, собранных в этом издании,

остаётся наиболее выразительной их особенностью — наряду с умением тщательно отличать одно от другого. Вот цитата из «Мисс Белл Ранкин» — написанного Труменом Капоте в семнадцатилетнем возрасте рассказа о женщине из маленького южного городка, не вписывающейся в окружающую её жизнь.

Мне было восемь, когда я впервые увидел мисс Белл Ранкин. Стоял жаркий августовский день. На расчерченном багровыми полосами небе солнце клонилось к закату, и сухой раскаленный воздух, дрожа, поднимался от земли.

Я сидел на ступеньках парадного крыльца, наблюдая за приближающейся негритяжкой и недоумевая, как ей удастся тащить такой огромный тюк выстиранного белья на голове. Она остановилась и, ответив на мое приветствие, рассмеялась характерным негритянским смехом — протяжным и темным. Именно в тот момент на противоположной стороне улицы появилась медленно идущая мисс Белл. Увидев ее, прачка словно вдруг

испугалась и, оборвав фразу на середине, заспешила восвояси.

Я долго и пристально смотрел на проходившую мимо незнакомку, которая стала причиной столь странного поведения прачки. Незнакомка была маленькой, одетой во все черное с какой-то полоской и пыльное, она выглядела неправдоподобно старой и морщинистой. Пряди жидких седых волос, мокрых от пота, прилипли к ее лбу. Она шла, опустив голову и уставившись в немоощный тротуар, словно искала что-то. Старая черно-рыжая собака брела за ней, отрешенно ступая по следам хозяйки.

После этого я видел ее много раз, но то первое впечатление, почти видение, навсегда осталось самым запоминающимся — мисс Белл, бесшумно идущая по улице, маленькие облачка красной пыли вьются вокруг ее ног, и она постепенно исчезает в сумерках.

Мы еще вернемся к этой негритянке и отношению Капоте к черным в ранний период его творчества. А пока отметим ее как реальный

плод воображения автора, связанный со временем и местом его происхождения, как своего рода болезненный литературный артефакт, черную «тень», по выражению Тони Моррисон, которая принимает множество обличий в романах белых авторов-тяжеловесов эпохи Депрессии, таких как Хемингуэй, Фолкнер и обожаемая Труменом Капоте Уилла Кэсер. Когда эта фигура возникает в «Мисс Белл Ранкин», повествователь из рассказа Капоте, явно не отождествляемый с автором, откровенно дистанцируется от нее, обращая внимание читателя на ее «протяжный и темный» смех и на то, как легко она пугается: самого рассказчика спасает от испуга принадлежность к белым.

Рассказ 1941 года «Люси» ведется от имени другого молодого человека. И на сей раз протагонист пытается идентифицировать себя с черной женщиной, к которой окружающие относятся как к собственности. Капоте пишет:

Люси появилась у нас благодаря маминной любви к южной кухне. Я проводил летние каникулы на Юге, у своей тети, когда мама написала ей письмо с просьбой найти

для нее цветную женщину, которая умела бы хорошо готовить и согласилась бы приехать в Нью-Йорк.

Обшарив всю округу, тетя остановила выбор на Люси.

Люси жизнерадостна и любит музыкальные представления так же, как ее юный белый «компаньон». Более того, она любит подражать тем певицам — среди них Этель Уотерс, — которыми восхищаются они оба. Но Люси — а вероятно, и Этель? — скорее всего представляет собой лишь тип негритянского поведения, который вызывает восхищение лишь потому, что он привычен. Люси не являет собой личности, так как Капоте не придает ей индивидуальности. В то же время ему хочется создать некий характер, обладающий душой и телом, который соответствовал бы тому, что на самом деле исследует автор и что тоже является одной из его главных тем, — аутсайдерство.

Важнее, чем расовая принадлежность, «южность» Люси, перемещенная в холодный климат, — климат, с которым повествователь, явно одинокий мальчик вроде самого Капоте, един-

ственного сына матери-алкоголички, видимо, идентифицирует себя самого. Тем не менее создатель Люси не может сделать ее реальной, ибо его собственное ощущение различия между черными и белыми неясно пока ему самому — и он хочет найти ключ к этому ощущению. (В рассказе 1979 года Капоте пишет о себе, каким он был в 1932-м: «У меня была тайна, нечто, что меня беспокоило, нечто, что по-настоящему очень тревожило меня, нечто, о чем я боялся рассказать кому бы то ни было, — я не мог представить себе, какова будет их реакция, ведь это было так странно, то, что меня тревожило, то, что я переживал уже почти два года». Капоте хотел быть девочкой. И когда он признался в этом некой особе, которая, как он думал, могла помочь ему достичь этой цели, та лишь рассмеялась.) В «Люси», да и в остальных рассказах, острое и оригинальное видение Капоте заглушается чувством; Люси — следствие его желания принадлежать к какому-нибудь сообществу, как литературному, так и просто человеческому: когда он писал этот рассказ, он еще не был готов отказаться от мира белых, не мог сменить принадлежность к большинству на обособленность, которая

приходит, когда человек становится художником.

Рассказ «Движение в западном направлении» был шагом в нужную сторону, или предшествованием его зрелого стиля. Построенный как серия коротких эпизодов, он представляет собой своего рода детектив на тему веры и законности. Вот начало:

Четыре стула и стол. На столе — бумага, на стульях — мужчины. Окна — над улицей. На улице — люди, в окна — дождь. Вероятно, это было бы абстракцией, всего-навсего нарисованной картиной, но эти люди, ни в чем не повинные, ничего не подозревающие, действительно двигались там, внизу, и окно действительно было мокрым от дождя.

Люди сидели, не шелохнувшись, юридические выверенные документы на столе тоже лежали неподвижно.

Кинематографический глаз Капоте — кино повлияло на него не меньше, чем книги и разговоры, — уже был острым, когда он создавал эти ученические рассказы, и их истинная ценность за-

ключается в том, что они показывают, куда сочинения типа «Движения в западном направлении» ведут его в техническом смысле. Конечно же, это была еще ученическая работа, которую ему требовалось написать, чтобы подобраться к «Мириам» — потрясающей истории о престарелой одинокой женщине, живущей в чужом заснеженном Нью-Йорке. (Капоте опубликовал «Мириам», когда ему было всего двадцать лет.) И конечно же, такие рассказы, как «Мириам», привели к другим вдохновленным кинематографом повествованиям вроде «Бриллиантовой гитары», а эти, в свою очередь, предвосхитили те темы, которые Капоте так блестяще исследовал в «Хладнокровном убийстве» и в рассказе 1979 года «Вот так и получилось» — о сообщнике Чарлза Мэнсона Бобби Босолее. И так далее, и так далее. В процессе писания и преодоления Капоте, духовный бродяга вроде ребенка без реального местожительства, обрел свой фокус, а быть может, и миссию: артикулировать то, чего прежде общество не выносило на всеобщее обозрение, особенно те моменты гетеросексуальной любви или замкнутого молчаливого гомоэротизма, которые плотным кольцом окружают человека, отделяя от дру-

гих. В трогательном рассказе «Если я забуду тебя» женщина ждет любви или предается любовной иллюзии, игнорируя реальную ситуацию. Рассказ субъективен; любовь, сталкивающаяся с препятствием, всегда такова. В «Знакомом незнакомце» Капоте продолжает исследовать упущенные возможности и утраченную любовь с точки зрения женщины. Пожилой белой даме по имени Нэнни снится, будто к ней приходит мужчина, одновременно и умиротворяющий, и пугающий — каким иногда воспринимается секс. Как и у героини, от лица которой ведется повествование в мастерски написанном рассказе Кэтрин Энн Портер «Как была брошена бабушка Вэзеролл» (1930), трудный характер Нэнни — голос у нее всегда недовольный — следствие того, что некогда она была отвергнута, обманута любимым и оттого стала очень ранима. Вызванный этой ранимостью скептицизм выплескивается наружу, в мир, который, в сущности, составляет для нее только черная служанка Бьюла. Бьюла всегда под рукой — готовая поддержать, помочь, сочувствующая, — и тем не менее у нее нет лица, она бесплотна, она — скорее эмоция, а не человек. Снова талант изменяет Капоте, когда дело дохо-